

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

САЯНО-АЛТАЯ

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

№1 (5) 2013

Археология / Archaeology

ISSN 2304-7488

СОДЕРЖАНИЕ

К 75-ЛЕТИЮ Н.В. ЛЕОНТЬЕВА

От редколлегии.....3

Вадецкая Э.Б.

Николай Владимирович Леонтьев
(глазами коллеги и друга).....7

ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО

Дэвлет М.А.

Утес над Енисеем. К юбилею
Николая Владимировича Леонтьева.....17

Кожин П.М.

Древнейший портрет на Енисее.....28

Заика А.Л.

Сердцевидные личины
в петроглифах Южной Сибири.....35

Мургабаев С.С.

Проблемы хронологии
и культурных связей ранних
петроглифов Каратау.....52

Есин Ю.Н.

Петроглифы «Шаман-камня»
(гора Оглахты, Хакасия).....66

Мухарева А.Н., Советова О.С.

Об одном любопытном сюжете
на скалах Минусинской котловины.....82

Ковалева О.В.

Рисунки на плитах
и стелах кургана Барсучий лог.....91

Савинов Д.Г.

«Обряды перехода» на курганных
плитах Среднего Енисея.....112

Русакова И.Д.

Петроглифы западной части
Боярского хребта в Хакасии.....120

Панкова С.В.

Изображения на курганных плитах
у д. Подкамень на севере Хакасии.....125

Король Г.Г.

Фантастические птицы в декоре
средневекового художественного
металла Саяно-Алтая.....159

Миклашевич Е.А., Солодейников А.К.

Новые возможности документирования
наскальных изображений, выполненных
краской (на примере Кавказской
писаницы в Минусинской котловине)....176

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА, ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ

Зубков В.С.

Стоянка Куйбышево I
на реке Джебаш.....192

Амзараков П.Б.

Предварительные итоги
археологических раскопок
памятников Усть-Ката-1
и Усть-Ката-2 в зоне затопления
водохранилища Богучанской ГЭС.....200

Степанова Н.Ф.

Особенности локальных
вариантов афанасьевской
культурно-исторической общности.....206

Грушин С.П., Шайхутдинов В.М.

К вопросу о металлургии
населения елунинской культуры
Обь-Иртышья.....214

Наглер А.

Погребальные сооружения
раннего железного века
степей Евразии.....222

Мураками Я.

Реконструкция печи для выплавки
железа таптыкской культуры.....233

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....238

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....239

CONTENTS

TO THE 75th ANNIVERSARY OF N.V. LEONTYEV

From the Editorial Board.....3

Vadetskaya E.B.

Nickolay Vladimirovich Leontyev
(through a colleague and a friend's eyes).....7

ANCIENT ART

Devlet M.A.

The rock over the Yenisei river.
To Nickolay Vladimirovich
Leontyev's jubilee.....17

Kozhin P.M.

The oldest portrait on the Yenisei.....28

Zaika A.L.

Heart-shaped face-masks in petroglyphs
of South Siberia.....35

Murgabayev S.

Problems of chronology and cultural
relations of the Karatau early petroglyphs.....52

Esin Yu.N.

Petroglyphs of "Shaman-stone"
(the mountain Oglakhty, Khakassia).....66

Mukhareva A.N., Sovetova O.S.

About one interesting subject
on the rocks of the Minusinsk basin.....82

Kovaleva O.V.

Drawings on the flagstones and stelae
of kurgan Barsuchy log.....91

Savinov D.G.

"Transition rites" on kurgan stone slabs
of the Middle Yenisei.....112

Rusakova I.D.

Petroglyphs in the Western part
of Boyary chain in Khakassia.....120

Pankova S.V.

Petroglyphs on kurgan flagstones
of burial mound Podkamen
in Northern Khakassia.....125

Korol G.G.

Fantastic birds in décor of the
Sayan-Altai medieval art metal.....159

Miklashevich E.A., Solodeynikov A.K.

New possibilities for documenting
painted rock art images
(by the example of Kavkazskaya
rock art site in the Minusinsk basin).....176

MATERIAL CULTURE, FUNERARY RITES AND HOUSEHOLD TRADITIONS

Zubkov V.S.

Site Kuibyshevo I
on the river Dzhebash.....192

Amzarakov P.B.

Preliminary results of archaeological
excavations of Ust-Kata-1
and Ust-Kata-2 in flowage area
of the Boguchany dam reservoir.....200

Stepanova N.F.

Features of local variants
of the Afanasev cultural
and historical community.....206

Grushin S.P., Shaykhutdinov V.M.

To the metallurgic question
of the population of Elunino
culture in Ob-Irtysh region.....214

Nagler A.

Funeral construction of the Early
Iron Age of Eurasian steppes.....222

Murakami Ya.

Reconstruction of iron smelting
furnace in the Tashtyk culture.....233

INFORMATION ABOUT THE

AUTHORS.....238

LIST OF ABBREVIATIONS.....239

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ РАННИХ ПЕТРОГЛИФОВ КАРАТАУ

С.С. Мургабаев

УДК 903.27

Статья посвящена раннему пласту петроглифов горного хребта Каратау на юге Республики Казахстан. Публикуются прорисовки наиболее важных памятников, открытых в этом регионе в последние годы. Проведен анализ антропоморфных изображений разного стиля, изображений ладоней, оружия типа секиры, рисунков колесного транспорта. Отмечены аналогии как с более южных территорий, так и с более восточных, включая Минусинскую котловину. Сделан вывод о датировке рассмотренной серии ранних изображений концом III – началом II тыс. до н.э. Предложена гипотеза о появлении изображений первых повозок Каратау под влиянием соседних центральноазиатских центров древнеземледельческой цивилизации.

Ключевые слова: Южный Казахстан, Каратау, эпоха бронзы, петроглифы, антропоморфные изображения, повозки

Археологическое изучение горного хребта Большой Каратау, расположенного на юге Казахстана и представляющего собой северо-западные отроги Тянь-Шаня, началось еще во второй половине XIX века. Однако говорить о том, что оно завершено, еще рано. Доказательством тому являются более 70 новых местонахождений петроглифов, выявленных в последние годы. Основную часть рисунков открытых памятников составляют образы эпохи бронзы. Эта особенность присуща большинству районов Казахстана. Основные персонажи среди зооморфных образов – быки-туры, лошади. Также на первый план выступают изображения двух- и четырехколесных повозок, образ человека. Предлагаемая статья посвящена актуальной проблеме сравнительно-исторического анализа и хронологии этих петроглифов.

Среди рисунков, выявленных в последние годы, имеются материалы, которые в контексте данной проблемы имеют особое значение. К ним можно отнести новые типы антропоморфных образов. В частности, особый интерес вызывают женские изображения с местонахожде-

ний на северо-западе Каратау (Сауыскандык, Шалабай, Киши Дарбаза, Тасбулак). У данной группы рисунков явно показаны отличительные женские признаки – косы, объемные бедра (рис. 1–6). С одной стороны, они напоминают палеолитические или неолитические женские скульптуры, с другой стороны, имеют сходство с наскальными женскими изображениями периода неолита и энеолита [Джафарзаде, 1973; Бледнова и др., 1998, с. 90–94, рис. 22]. В Сауыскандыке, по сравнению с другими местонахождениями, эти рисунки выполнены очень умело и встречаются в виде отдельных композиций. В западной части группы Сауыскандык III зафиксировано 16 антропоморфных образов. Основная их часть – 12 женских фигур – с бедрами в форме круга, туловищем в форме треугольника вершиной вниз. Руки у женщин, кроме двух в левой части сцены, не показаны. В левой части сцены у двух женщин можно заметить косы, у третьей женской фигуры над головой имеется круг. В правой части сцены в руках двух женщин показан бубен (?). В центре изображен мужчина в маске хищника. Его фигура обращена направо, от гру-

Рис. 1. Местонахождение Сауыскандык

ди отходит черта (возможно рука), а вторая рука находится на поясе (рис. 1). Изображение чело- века в большой сцене памятника Киши Дарбаза точно повторяет форму этих женских образов (рис. 5). Похожие изображения встречены среди петроглифов Шалабай. Изображения здесь несколько отличаются: в одном случае бедра женщины имеют форму в виде «сердца», нижняя часть фигуры заостренная, ног нет, туловище подквадратное, руки показаны условно (одной руки нет вообще), изображение контурное (рис. 4). В другой сцене наряду с изображениями верблюда и лошадей присутствует антропоморфная фигура, туловище которой изображено в виде пары треугольников, показаны выступающие бедра, длинные руки и ноги, на голове с двух сторон волосы заплетены в три косы. В центральной части сцены имеются три знака в виде ступенчатого четырехугольника и рисунок в виде извилистой черты (рис. 6). В группе Сауыскандык I встречена сцена слияния женщины с антропоморфным персонажем с палицей на плече (рис. 7).

Если искать аналогии этим рисункам, то, в первую очередь, они напоминают женские изображения Гобустана IV–III тыс.

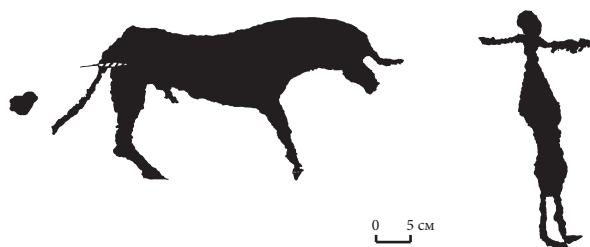

Рис. 2. Местонахождение Сауыскандык

до н.э. Общее сходство заключается в том, что у фигур не показаны руки, а бедра выступают в виде круга (рис. 1, 3, 4, 5, 7). Также большое сходство прослеживается между часто встречающимися в гобустанских петроглифах изображениями женщины в профиль и женскими изображениями памятника Сауыскандык I (рис. 7). Сходство имеется не только в стиле изображения, но и в построении композиции. Например, это касается женских фигур из Сауыскандык III (рис. 1), а также сочетания образов женщины и быка (рис. 2, 3), имеющих аналогии со сценой Едии гюзял (Семь красавиц) на памятнике Бейюкдаш в петроглифах Гобустана [Джафарзаде, 1973, с. 170, камень 78]. Другое сходство между петроглифами Каратау и Гобустана проявляется в сочетании изображения женщины с образами быка и верблюда-бактриана (рис. 8) [Там же, с. 151, камень 30, 10–14], а также в наличии одиночных женских фигур в позе адорации (рис. 9, 10) [Там же, с. 140–160, камни 12, 15, 24, 30, 31, 54].

Изображения быка в сочетании со схожей женской фигурой представлены также в петроглифах памятников Усть-Туба и Черновая VIII в Минусинской котловине Южной Сибири. Датируются эти изображения временем окуневской культуры, т.е. концом III – началом II тыс. до н.э. Основанием датировки изображений для Э.Б. Вадецкой служат каменные плиты с рисунками, использованные в качестве строительного материала в погребениях окуневской культуры [Вадецкая, 1970, с. 263; Вадецкая, 1967, с. 32–34].

По мнению Я.А. Шера, нельзя согласиться с такой датой, т.к. трудно сказать, когда эти рисунки были выбиты на камне [Шер, 1980,

Рис. 3. Местонахождение Сауыскандык

с. 219]. Он также привел дополнительные параллели сочетанию образов женщины и быка на других археологических памятниках (терракотах, узорах на стенах) [Там же, с. 272]. Ю.Н. Есин рассматривает различные подходы к определению культурно-хронологической принадлежности, семантики и прагматики образа «богини-матери» в окуневском искусстве Минусинской котловины. Им определен круг объектов, на которых представлены такие изображения. В результате структурно-семиотического анализа выявлен набор изобразительных элементов, используемых в таких изображениях, и обоснована их принадлежность к окуневской культуре [Есин, 2010].

Можно проследить сходство каратауских женских фигур с многочисленными женскими терракотовыми статуэтками, найденными в ходе археологических раскопок в Средней Азии и Ближнем Востоке в протогородах оседлой земледельческой цивилизации. Во-первых, их руки и ноги изображены так же, как у статуэток Ближнего Востока, Намазга-депе периода энеолита, Алтын-депе, Хапуз-депе, Намазга-депе (конец III – начало II тыс. до н.э.) [Массон, Сарияниди, 1973, с. 33, 35, 42, рис. 6, 7, 8, табл.

I–VI, XXV–XXVI, XXXI, XLIV]. В терракотах этого периода эпохи бронзы южной части региона в отличие от прежних руки и ноги начинают изображать условно. Эта особенность характерна и для петроглифов Каратау: в обоих случаях руки не показаны или же показаны условно, косы в некоторых случаях тоже показаны условно (возможно, из-за особенностей материала) (рис. 1–4). В петроглифах Шалабай на одной плите в противоположных частях общей сцены выбиты фигура женщины, ступенчатый четырехугольник и волнистая линия (рис. 6). Такой же орнамент часто встречается на энеолитических и раннебронзовых керамических и других изделиях из Туркменистана (Намазга III–IV; начало III тыс. до н.э.) [Там же, с. 115, рис. 17; Массон, 1981, с. 26, табл. IV, XVIII, XXV]. В ходе анализа терракотовых женских статуэток исследователи пришли к выводу, что кресты, волнистые линии, солярные символы, нанесенные на различные части их тела, есть усложненный, усовершенствованный вариант прежних рисунков. В петроглифах Шалабай рядом с женским изображением тоже имеются волнистая ломаная линия, сложные крестообразные знаки, которые часто встреча-

Рис. 4. Местонахождение Шалабай

Рис. 5. Местонахождение Киши дарбаза

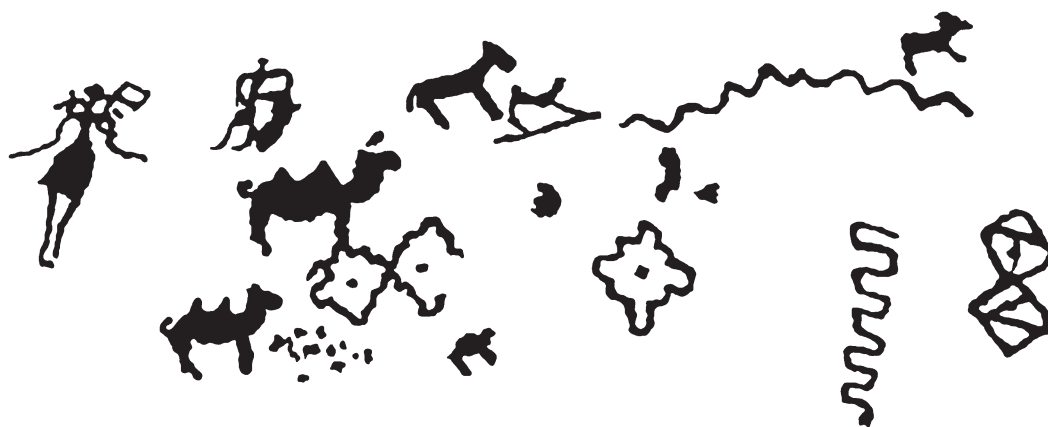

Рис. 6. Местонахождение Шалабай

ются в терракотах бронзового времени Южного Туркменистана [Массон, Сарияниди, 1973, с. 113–118, рис. 14, 17–18, табл. XXIV, 6].

В петроглифах северо-западного Каратау, особенно в петроглифах Сауыскандыка, часто встречаются показанные в профиль антропоморфные персонажи с согнутыми в коленях ногами, одна рука которых держит лежащую на плече палицу, а вторая вытянута вперед и согнута в локте (рис. 7, 11, 12, 13, 14, 15, 25). Вообще мужской персонаж с палицей на плече довольно часто встречается в петроглифах Центральной Азии. Но рассматриваемые нами фигуры несколько отличаются и по форме, и по своей позе. В Каратау, а также на керамике

и изделиях эпохи бронзы сопредельных территорий изображений таких фигур не выявлено. Фигуры похожего стиля характерны для изделий Алтын-депе (ранняя бронза, III тыс. до н.э.) [Ремпель, 1987, с. 8, рис. В]. Хотя у персонажей на керамических изделиях палица отсутствует, можно отметить сходную полусидячую позу, согнутые в локтях и поднятые до плеч руки.

Говоря о возрасте древних петроглифов Каратау, необходимо обратить внимание на возможное влияние южной оседлоземледельческой цивилизации. Следует учитывать, что хребет Каратау граничит на юге и юго-западе с долиной Сырдарьи, вдоль левого берега которой расположены Кызылкумы. В ходе исследования берега Инкадарьи – одного из древних каналов в нижнем течении Сырдарьи – С.П. Толстов пришел к выводу, что хорезмская культура неолита и эпохи бронзы и культура Центрального Казахстана, а далее и северо-восточная часть Казахстана – основные районы взаимовлияния и взаимодействия культур. Погребальные сооружения Тагискена эпохи бронзы, особенно сырцовые мавзолеи и керамика с этого памятника, подтверждают его гипотезу [Толстов, 1962, с. 80, 81, рис. 38]. С.П. Толстов отмечал, что, несмотря на сильное влияние высокоразвитой южной цивилизации, здесь явно сохранились черты степной культуры эпохи бронзы [Там же, с. 86]. Если учесть, что географически северо-западная часть Каратау лежит в нижнем течении Сырдарьи (Шиилинском районе Кызылординской области), нельзя исключать возможные связи и влияние между этими двумя районами. Аналогии древним рисункам Каратау можно увидеть и в петроглифах Кызылкумов на таких памятниках, как Сармышсай [Хужаназаров, 2004, с. 109–114], Букантау [Оськин, 1976, с. 83–89].

Можно дополнить этот ряд южных аналогий изображениями оружия с Каратау. В Каратау, осо-

Рис. 7. Местонахождение Сауыскандык

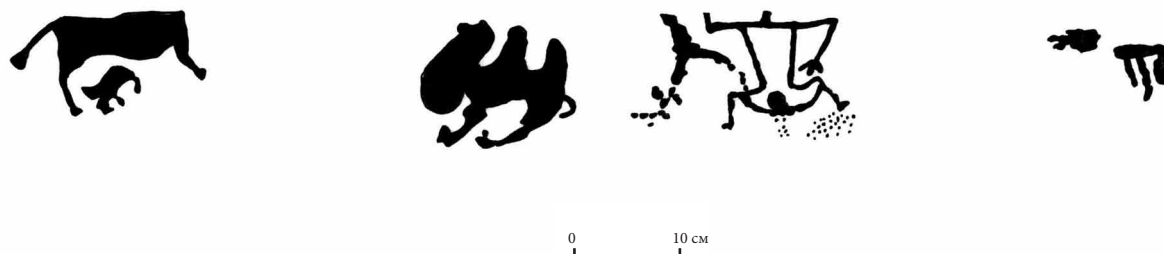

Рис. 8. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 9. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 10. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 11. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 12. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 14. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 13. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 15. Местонахождение Сауыскандык

бенно в северо-западной части, встречаются изображения в виде косы или секиры. Такие орудия можно встретить среди петроглифов Сауыскандык, Шалабай, Караунгир, Арпаузен (рис. 20). Среди петроглифов Донгелексаз (недалеко от заповедника Баганалы) найдено одиночное изображение такого орудия в натуральную величину (рис. 19). Чаще всего рисунки таких предметов встречаются в батальных сценах, что позволяет рассматривать их как оружие. Кроме того, эти предметы с изогнутой в виде полумесяца верхней частью и по форме, и по назначению отличаются от жезлов. А.Е. Рогожинский отмечает, что хотя в Средней Азии находки такого оружия неизвестны, но в Эламе (Сузы) и Месопотамии (Телло) зафиксированы находки подобных секир [Рогожинский, 2011, с. 92].

Сходство с материалами Ближнего Востока и петроглифами южного региона можно проследить и по изображениям антропоморфных фигур из местонахождений Шалабай, Сауыскандык, Карибулак, выполненных в битреугольном стиле. Рисунки в этом стиле встречаются и в других регионах Казахстана,

но довольно редко. В Каратау такие рисунки встречаются как отдельно, так и в составе композиций (рис. 11, 16, 17, 18). В свое время вопрос датировки этого стиля рассматривался в связи с анализом битреугольных изображений Саймалы-таш в Кыргызстане и керамики Сузы I с Ближнего Востока. По А.Н. Бернштаму нижний хронологический рубеж петроглифов Саймалы-таш – это II–I тыс. до н.э. [Бернштам, 1952, с. 64]. В.А. Массон [Массон, 1959, с. 116], а позднее Я.А. Шер отмечали, что если брать за основу ближневосточные аналогии, то петроглифы Саймалы-таш должны быть куда более древними [Шер, 1980, с. 207–208]. Стилистическое и сюжетное сходство саймалыташских петроглифов и рисунков на иранской керамике не случайность [Шер, Голендухин, 1982, с. 23, рис. 11]. Изображения животных в битреугольном стиле встречаются в петроглифах Тамгалы, Кульжабасы в Семиречье, но особенно часто среди петроглифов памятника Сармышсай в Узбекистане. Но на этих памятниках в битреугольном стиле изображались в основном животные, тогда как в Кара-

Рис. 16. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 17. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 18а. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 19. Местонахождение Дөнгелкәссәз

Рис. 20. Местонахождение Сауыскандык

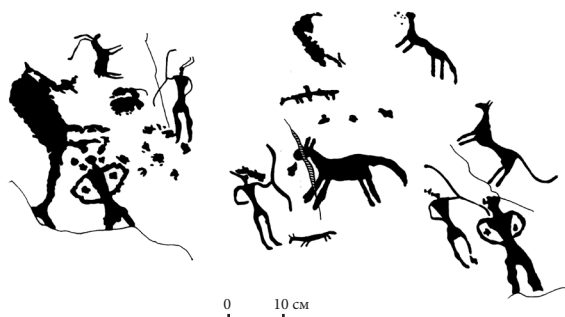

Рис. 18б. Местонахождение Сауыскандык

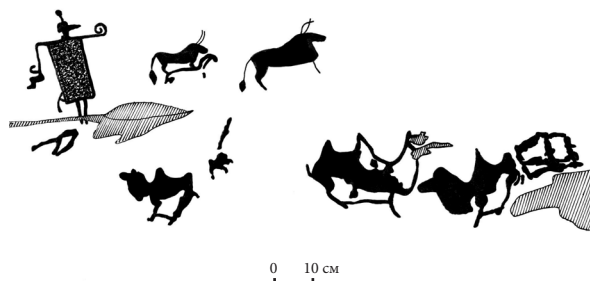

Рис. 21. Местонахождение Сауыскандык

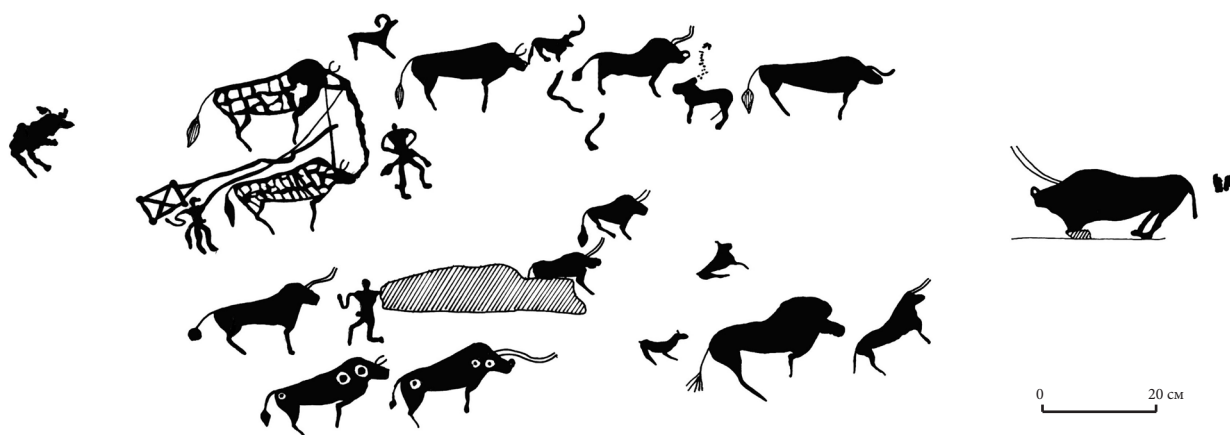

Рис. 22. Местонахождение Сауыскандык

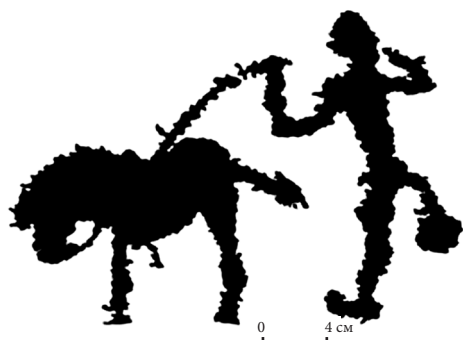

Рис. 23. Местонахождение Сауыскандык

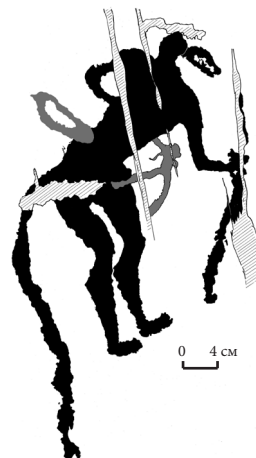

Рис. 26. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 24. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 27. Местонахождение Карныжарык

Рис. 25. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 28. Местонахождение Сауыскандык

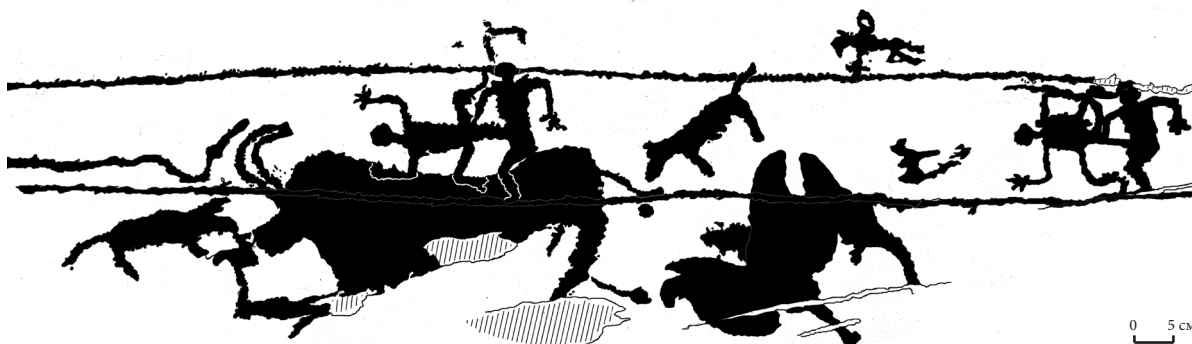

Рис. 29. Местонахождение Сауыскандык

тау – антропоморфные фигуры. Зооморфные образы в битреугольном стиле здесь встречаются редко (рис. 18, 1). Можно выделить несколько вариантов исполнения антропоморфных фигур: 1) в руках большой, сложный лук; на голове одна или несколько черточек в виде перьев, которые иногда заканчиваются в виде листочка или наконечника стрелы (рис. 16–18); 2) руки на поясе; между руками и туловищем по одному углублению; у одной фигуры углубления расположены вокруг головы в виде солнечных лучей (рис. 18, 1); в этом варианте тоже встречаются фигуры с луком, но лук показан условно (рис. 11); 3) персонажи в различных масках (рис. 1, 10, 20–27).

Приведенные аналогии позволяют датировать группу антропоморфных фигур Каратау в битреугольном стиле концом III тыс. до н.э. – первой половиной II тыс. до н.э. Эта датировка соответствует датировке Саймалы-таш Я.А.Шера и датировке петроглифов Сармышася.

Теперь перейдем к рассмотрению эротических сцен (рис. 7, 13, 9, 10, 8, 14, 24, 25, 28, 29)

и изображений ритуальных танцев (рис. 30, 31, 32, 33, 34). В Тектурмас II на вертикальной плите размером 0,9 x 1,5 м в нижней части многофигурной композиции с палимпсестами имеется два ряда антропоморфных фигур: первый ряд – 16, второй ряд – 6 фигур (рис. 33). Нижние фигуры по сравнению с верхними выполнены аккуратно и по размеру небольшие. Фигуры стоят в два ряда, взявшись за руки и подняв их вверх, туловище нескольких фигур разделено на квадраты. В левом углу плоскости изображен круг, разделенный на четыре части. Аналогии этим рисункам можно увидеть в наскальных изображениях Габаевки [Кадырбаев, Марьяшев, 1977, с. 145, рис. 84], изображениях солнцеголовых Тамгалы [Максимова и др., 1985, с. 28], петроглифах Монголии [Новгородова, 1984, с. 122, рис. 49], Гобустана [Рустамов, 1990, с. 99–100, рис. 1], Кульжабасы (Жетысу). Тектурмасские и тамгалинские петроглифы похожи не только по технике выбивки, но и по построению композиции. В петроглифах Тамгалы в верхней части плоскости изображены солнцеголовые фи-

Рис. 30. Местонахождение Шалабай

Рис. 31. Местонахождение Карныжарык

Рис. 32. Местонахождение Кызылшин

Рис. 33. Местонахождение Тектурмас

Рис. 34. Местонахождение Жынгылшык

Рис. 35. Местонахождение Кызылшин

гуры, в Тектурмасы – круг, разделенный на четыре части. В обоих случаях прослеживается сходство в мировоззрении и хронологическая близость.

К этому же периоду можно отнести несколько изображений ладони в петроглифах Кызылшин, Карибулак (рис. 32, 35). Хотя такие изображения встречаются довольно редко, их хронологические рамки весьма широки. Изображения ладони встречаются в петроглифах от палеолита до средневековья, а также в искусстве казахов [Самашев, Жетыбаев, 2005, с. 82–87, рис. 95–98]. К примеру в Европе в пещере Гаргас обнаружено 231 изображение ладони, а в пещере Коско – 39 подобных изображений [Бледнова и др., 1998, с. 131]. А.А. Формозов датирует изображение ладони из Щеглеца под Новгородом концом II тыс. до н.э. [Формозов, 1980, с. 65, рис. VI]. В.Д. Кубарев первоначально

изображение ладони с памятника Калбак-Таш в Горном Алтае относил к периоду энеолита и бронзы, а позднее предлагал датировать подобные рисунки Алтая периодом ранней и развитой бронзы [Кубарев, 1990, с. 154–156, рис. 1; Кубарев, 2002, с. 50]. Я.А. Шер точно не датировал изображения ладони в петроглифах Язгулема на Памире, но предполагал древность изображений [Шер, 1980, с. 84, рис. 19]. В нашем случае для датировки ладоней могут быть использованы соседние изображения, в частности – четырехколесные повозки и другие рисунки, характерные для периода бронзы. Также на этой плите не наблюдается палимпсестов, т.е. все рисунки относятся к одному времени. Не наблюдается и признаков характерных для скифо-сакского искусства раннего железного века. За их верхний хронологический рубеж можно уверенно принимать период до начала I тыс. до н.э., а за нижний – середину II тыс. до н.э. Эта датировка соответствует датировке первых исследователей Каратау [Новоженков, 1994, с. 128–145].

Рис. 36. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 37. Местонахождение Сауыскандык

Рис. 38. Местонахождение Сауыскандык

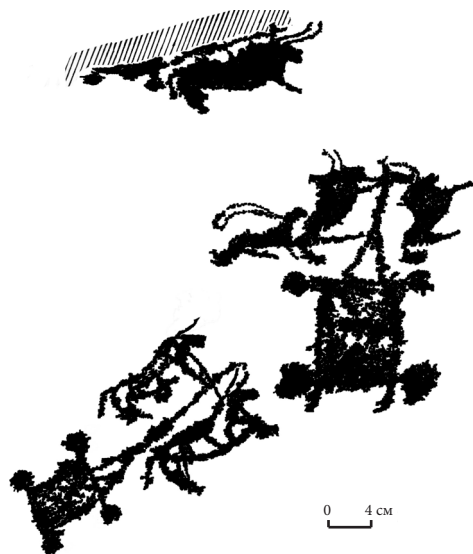

Рис. 39. Местонахождение Сауыскандык

В ходе исследований в 1998–2010 гг. среди петроглифов Каратау обнаружено большое количество изображений повозок. Эти изображения, с одной стороны, дополняют ряд ранее выявленных, с другой стороны – расширяют хронологические рамки изображений колесного транспорта.

Имеющиеся у нас материалы позволяют отнести к наиболее древним повозкам рисунки

из Сауыскандыка и Тасбулака (рис. 22, 36–39). Остановимся на особенностях этих повозок. Во-первых, у них цельные дисковые колеса небольшого диаметра, простая грузовая площадка (изображены распорки крест-накрест – чтобы углы не расходились, но поперечные доски перекрытия грузовой площадки не показаны). Во-вторых, в повозки запряжен крупный рогатый скот. Туловище животных выбито силуэтно, иногда показаны пятна. В-третьих, при изображении кузова повозок использовался вид сверху, а у животных показана пара ног, т.е. животные располагаются одно над другим. В-четвертых, животные запряжены в повозку через одинарное дышло с поперечным ярмом, закрепленным на шее животных. Пара тягловых животных, запряженных в одну повозку, соединена друг с другом линией, отходящей от ноздрей (рис. 22). Возможно, эта линия идет от колец в носу животных, так как у четырех животных на этой плоскости в носу изображено кольцо. От руки возничего к голове животного отходят поводья. «Возничие» изображены в звериной маске и с длинным хвостом. Эти древние повозки Каратау по своей конструкции и общей композиции близки к саймалыташским. Непонятно, почему А.Н. Бернштам, сравнивая повозки Саймалы-таш с керамикой IV тыс. до н.э. из

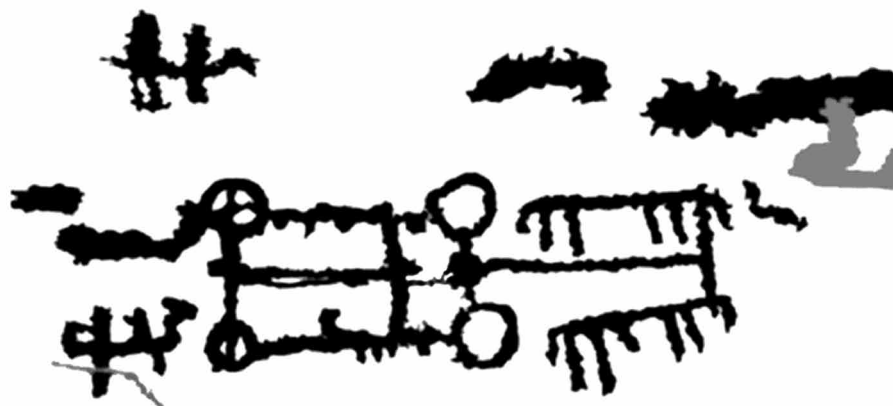

Рис. 40. Местонахождение Сатайбулак

Рис. 41. Местонахождение Танбалытас (Боралдай)

Сузы I, называет их предсакскими и датирует II–I тыс. до н.э. [Бернштам, 1952, с. 65]. Касательно этой датировки В.М. Массон отмечает, что если саймалыташские рисунки сравнивать с керамическим комплексом Сузы I, относящимся ко второй половине IV тыс. до н.э., то, вероятно, они были выбиты намного раньше [Массон, 1959, с. 116]. Я.А. Шер, сравнивая петроглифы Саймалы-таш с Сузами I, а также с рисунками Сармышсая, Наматгута, с изображениями на ближневосточной и среднеазиатской керамике IV–III тыс. до н.э. (Гиан, Сиалк, Карадепе, Гиссар, Намазга III), расширяет ареал распространения сопоставимых памятников [Шер, 1980, с. 34, табл. VII].

Тот факт, что изображения в битреугольном стиле встречаются только на отдаленных па-

мятниках Ближнего Востока и Средней Азии, не может быть основанием для утверждения о самостоятельном возникновении и развитии этого стиля. В таком случае битреугольный стиль в Фергане и Центральном Тянь-Шане возник не позднее переселения племенных союзов Центрального Ирана через Копетдаг, т.е. конца IV–III тыс. до н.э. [Массон, 1964а, с. 15–16; Массон, 1964б]. Я.А. Шер, выделяя древний пласт рисунков Саймалы-таш, считает, что нужно удревнить хотя бы на тысячу лет и обозначенную А.Н. Бернштамом датировку [Шер, 1980, с. 207–208]. З. Самашев, датируя двухколесные повозки из грота Акбаур в Восточном Казахстане концом III – началом II тыс. до н.э. (возможно и ранее – второй половиной III тыс. до н.э.), отмечает, что «не исключены контакты горно-степных племен Верхнего Прииртышья и Тарбагатая через Семиречье и юг Казахстана с древними поселенцами северо-восточной окраины Средней Азии. Не исключаются, конечно, и другие пути контактов прииртышских и других степных племен (в конце III – начале II тыс. до н.э.) с земледельческими и скотоводческими народами Средней Азии. В любом случае надо исходить из того, что распространение колесного транспорта в этом регионе шло с юга» [Самашев, 1992, с. 146–147].

Также нужно отметить сходство, имеющееся между повозками Сауыскандыка и четырехколесными повозками Байконура, которое проявляется в малом диаметре колес, конструкции, способе запряжки животных. В.А. Новоженев, отмечая различия между повозками Сары-арки и Каратау, изученными М.К. Кадырбаевым и А.Н. Марьяшевым, датирует байконурские повозки концом III –

серединой II тыс. до н.э. [Новоженков, 2002, с. 44, рис. 8]. В отличие от Сауыскандыка, где запряжен только крупный рогатый скот, здесь в повозки запряжены верблюды или лошади. Только в одном случае в петроглифах Каратау в упряжке показано животное, напоминающее лошадь, но у него все же имеются рога (рис. 38). Также у одного животного над головой выбито изображение лошади в «сейминском» стиле (палимпсест). Изображения в сейминском стиле относятся примерно к началу II тыс. до н.э. Такие особенности дают возможность датировать древние повозки Каратау концом III – первой половиной II тыс. до н.э. Учитывая близость региона к древним цивилизациям юга, что делает вероятным наличие определенных контактов, можно предположить, что в Каратау изображения первых повозок появились, вероятно, под влиянием центральноазиатских древнеземледельческих центров Намазга, Алтын-Депе.

Исходя из конструкции повозок, способа показа тягловых животных, техники выбивки, Я.А. Шер разделял изображения колесного транспорта на два вида: 1) изображения, где тягловые животные выбиты с ногами, опущенными в одну сторону, т.е. друг над другом; 2) изображения, где конечности животных направлены в противоположные стороны. В качестве примера он рассматривает 38 изображений повозок из Саймалы-таш и 56 повозок с Каратау и делает вывод, что повозки первого вида по всем показателям древнее повозок второго вида. Кроме того, он отмечает, что в повозки первого вида запряжены в основном быки [Шер, 1980, с. 202–205, табл. XI–XII]. Материалы последних лет, открытые в Каратау, соответствуют выводам Я.А. Шера.

Следующий хронологический период в изображении колесного транспорта Каратау соответствует периодизации, предложенной М.К. Кадырбаевым и А.Н. Марьяшевым. К нему можно отнести повозки, близкие по конструкции изображениям с колесами с четырьмя спицами из Жузимди, Тектурмас, Кызылшин, Тасбулак, Сатайбулак (рис. 32, 33, 40, 41).

В целом, подводя итог, можно сделать вывод, что рассмотренный пласт древних изображений Каратау, изученный в последние годы, может быть датирован концом III – началом II тыс. до н.э. Стоит отметить, что это не самые древние рисунки региона. К более

древнему пласту изображений (возможно до-бронзовому периоду) может быть отнесен ряд крупных (до 1,5–2 м) изображений животных. Сохранность этих рисунков плохая. При этом, однако, в Каратау столь же крупные изображения встречаются и среди рисунков поздней бронзы и раннего железного века (например, среди них имеется реалистичное изображение лошади длиной около 2 м).

Литература

- Бернштам А.Н.** Наскальные изображения Саймалы-Таш // СЭ. – 1952. – № 2. – С. 50–68.
- Бледнова Н.С., Вишняцкий Л.Б., Гольдшмидт Е.С., Дмитриева Т.Н., Шер Я.А.** Первобытное искусство (проблема происхождения). – Кемерово, 1998. – 221 с.
- Вадецкая Э.Б.** Древние идолы Енисея. – Л.: Наука, 1967. – 80 с.
- Вадецкая Э.Б.** Женские силуэты на плитах из окуневских могильников // Древняя Сибирь. Вып. 3. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 261–265.
- Джафарзаде И.М.** Гобустан. – Баку: Элм, 1973. – 215 с.
- Есин Ю.Н.** Изображения «богини-матери» в окуневском искусстве Минусинской котловины // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Том 9, выпуск 3: Археология и этнография. – С.111–122.
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.** Наскальные изображения хребта Каратау. – Алма-Ата: Наука, 1977. – 232 с.
- Кубарев В.Д.** Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 154–156.
- Кубарев В.Д.** Образ быка в петроглифах Алтая // Первобытная археология. Человек и искусство. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – С. 48–53.
- Максимова А.Г., Ермолаев А.С., Марьяшев А.Н.** Наскальные изображения Тамгалы. – Алма-Ата: Өнер, 1985. – 143 с.
- Массон В.А.** Древнеземледельческая культура Маргианы. – М.-Л.: АН СССР, 1959. – 254 с.
- Массон В.М.** Историческое место среднеазиатской цивилизации // СА. – 1964а. – № 1. – С. 12–25.
- Массон В.М.** Средняя Азия и Древний Восток. – М.-Л.: Наука, 1964б. – 403 с.
- Массон В.М.** Алтын-депе. – Л.: Наука, 1981. – 176 с.
- Массон В.М., Сариниди В.И.** Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. – М.: Наука, 1973. – 209 с.

Новгородова А.Э. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.

Новоженков В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии. (К проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). – Алматы: Аргументы и Факты Казахстан, 1994. – 266 с.

Новоженков В.А. Петроглифы Сары Арки. – Алматы, 2002. – 125 с.

Оськин А.В. Петроглифы Букантау // Природа. – 1976. – № 10. – С. 83–89.

Ремпель Л.И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1987. – 190 с.

Рогожинский А.Е. Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья // Наскальное искусство в современном обществе (к 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы международной научной конференции. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – Т. 2. – С. 87–98.

Рустамов Д.Н. Наскальные изображения Гобустана // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 99–103.

Самашев З. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Ғылым, 1992. – 288 с.

Самашев З., Жетібаев Ж. Қазақ петроглифтері. – Алматы: Иль-Тех-Кітап, 2005. – 134 б.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. – 324 с.

Формозов А.А. Памятники первобытного общества на территории СССР. – М.: Наука. 1980. – 134 с.

Хужаназаров М.М. Памятники Узбекистана // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004. – С. 108–114.

Шер Я.А., Голендухин Ю.Н. Колесницы Саймалы-Таша // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. – Фрунзе: Илим, 1982. – 164 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

PROBLEMS OF CHRONOLOGY AND CULTURAL RELATIONS OF THE KARATAU EARLY PETROGLYPHS

Murgabayev S. S.

The article is devoted to the early layer of petroglyphs of the mountain range Karatau in the South of the Republic of Kazakhstan. Copies of the most important monuments which have been unveiled in this region for the recent years are published. An analysis of anthropomorphic drawings of different styles, drawings of palms, weapons of a pole-axe type, drawings of wheel transport was carried out. Analogies both with more Southern territories and with more Eastern including the Minusinsk basin were noted. A conclusion about dating of the examined series of early drawings by the end of the III – the beginning of the II century B.C. was drawn. A hypothesis about emerging of the first Karatau carts' drawings under the influence of neighboring Central Asian centers of ancient agricultural civilization was put forward.

Key words: Southern Kazakhstan, the Karatau, the Bronze Age, petroglyphs, anthropomorphic drawings, carts